

КАК БЫЛ НАПИСАН ОЧЕРК СОРОКИНА О САМОУБИЙСТВЕ

МЯКИНЕН Илкка Хенрик - д-р философии, доцент социологии Стокгольмского центра здоровья в переходных обществах (Высшая Школа Южного Стокгольма).

В начале XX в. в России интенсивно изучали - и использовали в политических целях - статистику самоубийств. Суицид стал популярной темой социальной науки всех оттенков. За несколько лет были опубликованы сотни статей. На этом фоне в 1912 г. появилось русское издание "Самоубийства" Э. Дюркгейма - первый полный перевод книги Дюркгейма [1, с. 126]. Книгу тепло встретили специалисты, что могло стать одной из причин написания молодым ученым Питиримом Сорокиным очерка на эту тему в 1913 г. для рижского издательства "Наука и жизнь" [2]. Это - строго говоря, не научный труд в смысле специального исследования. Он не вполне самостоятелен; над ним довлеет тень Дюркгейма, многое прямо заимствовано у него¹. Значение очерка в демонстрации качеств мысли молодого (24 года), но уже опытного автора в этой фазе его развития. Кроме того, брошюра - документ времени, когда старая Россия - огромная, бедная и хаотичная, но удивительно живая и продуктивная в сфере культуры - была на последнем издыхании.

Некоторые точки зрения и интерпретации

В общем, очерк Сорокина - попытка донести до широкой публики России то, что автор считает научной истиной о суициде. Едва ли преувеличением были его слова, что самоубийство - угроза всему обществу. Число самоубийств со смертельным исходом в странах Европы в XIX в. стало расти примерно одновременно с появлением статистики смертности, свидетельствуя об их непрерывном, казалось, росте. Суицид, естественно, оказался в списке важных проблем общества. Как и следовало ожидать, многие считали, что причины этого роста можно обнаружить в процессах, лежащих в основе *общественной модернизации*, описываемой в терминах или технических (урбанизация, индустриализация), или культурных (цивилизация).

Будущий философ истории включил в свой очерк и раздел о самоубийстве в истории человечества. Правда, современные исследования самоубийств не подтверждают смутные теории истории этого явления, излагавшиеся во времена Сорокина. Самое важное различие таково: теперь мы знаем, что суицид есть в любом человеческом обществе и низкий уровень техники в этом смысле не является защитным фактором. Более того, современные исследователи едва ли станут судить о частоте суицидальной смертности в истории без прямых письменных источников. Даже факт "скалы предков" (якобы существовавший обычай прыгать со скалы на камни, когда старики становились обузой) многими современными историками рассматривается скептически.

¹ Вероятно, для этой серии брошюр важнее научной стороны была просветительская цель. Так, в списке ранее выпущенных книг (последняя страница обложки) авторы не упоминаются вообще.

Власть и самоубийство. В очерке рассмотрено отношение религиозных и светских властей к самоубийству. Из разных источников автор заключает, что законы не влияют на число самоубийств: для их предотвращения следует искать их причины.

В свете (явно очень сложного) русского законодательства, Сорокин, очевидно, оценил ситуацию слишком оптимистично. По русским законам XIX в., особенно статей 1472 и 1473 Уголовного кодекса, самоубийство наказывалось отказом в христианском погребении и аннулированием завещания самоубийцы. В своих суждениях Сорокин, видимо, опирался на предложения о новом, более мягком законе, который (как писал А.Ф. Кони [3, с. 461]) был введен в действие в весьма неполном объеме. Фактически в 1913 г. вплоть до революции 1917 г. действовало прежнее законодательство.

Может казаться на первый взгляд удивительным, что Сорокин отрицает всякую связь между законами, относящимися к суициду, и самим актом. Это опровергают приводимые им цифры, характеризующие тенденции эпохи либерализации в XIX в. Для него дело скорее обстоит наоборот: рост суицидов представляется результатом смягчения законов в период Поздней Античности. В современной международной компаративистике, однако, ужесточение отношения к самоубийствам ведет к снижению их числа [4].

Оценка объяснений суицида. Самый объемный раздел очерка посвящен обзору объяснений самоубийства. Большинство из них автор не разделяет. Но тематика этой главы в центре исследований суицида. Конечно, "помешательство" даже сейчас часто определяют как "депрессию", - определение, обычно включающее и его мягкие формы. Тем не менее, сейчас психические заболевания лидируют в медицинских исследованиях суицида, как и факторы алкоголя, наследственности. Фактор климата, в прошлом часто фигурировавший в объяснениях самоубийств, сейчас утрачивает значимость, лишь временами оживляемый такими исследованиями как, например, влияние влажности воздуха или фаз луны на склонность к попыткам самоубийства. Подражание, однако, стало объектом многих эмпирических исследований после возникновения этой гипотезы в 1960-70-е гг., и в целом, представляется, гипотеза о влиянии подражания сейчас общепринята.

Причины самоубийства. Заключительные разделы очерка обращены к культурным и общественным факторам, которые Сорокин считал действительно важными для вариативности частоты самоубийств. Основной фактор для него - одиночество человека, изоляция одинокой современной личности от группы и общества. По его мнению, это результат "плохой организации" общества, что конкретно выражается в нужде, голоде, безработице, - в избытке представленных в России того времени. Далее, он говорит о благотворных, в целом, последствиях коллективности, утверждая, например, что религии, оставляющие меньше простора для индивидуальности, снижают число самоубийств своих приверженцев. Здесь также упомянут якобы низкий уровень суицида у католиков, но, интересно, что нет комментариев по поводу роли православной церкви в низком тогда уровне самоубийств в России.

Современные исследования самоубийств в какой-то мере подтверждают "гипотезу одиночества". Одинокие взрослые люди обнаруживают склонность к более высокой частоте суицида, чем состоящие в браке. Уровни самоубийства безработных выше; особенно среди тех, кто полностью оказался вне рынка труда. Самоубийство более распространено среди эмигрантов, чем среди тех, кто не покидает родину. Хотя выстроить иерархию причин сложно, представляется реальным некое совпадение разных типов социальной изоляции с самоубийством. Вопреки общему мнению, нет заметных различий между странами Европы с разными религиями [4], но, видимо, защитная религиозность положительно проявляется на уровне индивида, независимо от конфессии.

Обратимся к голоду и нужде. Вопреки прежним теориям "защитной бедности" оказывается, что, например, самоубийства, особенно мужчин, в современной Швеции растут по мере спуска человека по социальной лестнице. Они особенно часты среди социально исключенных. Хотя последствия этих влияний не очень драматичны, а порядок причин и механизмы неясны, такой эффект тем не менее существует.

Использование статистики. Во времена Сорокина регистрацию случаев самоубийства в России, как правило, производили работники моргов. По закону все случаи суицида подлежали

" Сорокин, в основном придерживаясь идей Дюркгейма, не приводит и не комментирует позитивные в целом оценки последним России (в частности, сравнение французских и русских авторов [5, р. 77]). Видимо, дело в том, что Дюркгейм использует данные по России 1870-х гг., но, может быть, в том, что он считал Россию в основном защищенной от "эпидемии суицида".

расследованию, кроме случаев, когда деяние стало результатом заведомо известного душевного расстройства [6, с. 28-29]. Это изъятие, конечно, несколько ограничило число учитывавшихся самоубийств. Моргги направляли отчеты властям, отвечавшим за официальную статистику самоубийств. Однако несколько заинтересованных врачей сами собирали данные. Вероятно, в такой обстановке, на которую накладывались оживленные публичные споры о самоубийстве, даже Сорокин не избежал некоторых сомнительных утверждений. Так, он постулировал, что: 1. Число самоубийств выросло в пять раз за 1870-1908 гг. 2. Уровень самоубийств был очень низок в 1905 г., - лишь 85 случаев за последние семь месяцев года по всей России, и этот уровень снизился тогда и только тогда, даже в С.-Петербурге; 3. После этого уровень резко поднялся; 4. После этого лишь за январь 1907 г. по России зарегистрировано 43 случая; 5. Число случаев в Петербурге выросло на 25% между 1906 и 1909 гг. при росте населения лишь на 10%. К тому же в 1906-1911 гг. уровень самоубийств в Петербурге вырос с 5 до 11 случаев на 10 тыс. населения. Разберем каждое из этих утверждений:

1. Предположение о росте в пять раз самоубийств между 1870 и 1908 гг. не подтверждается статистикой смертности, которая, напротив, показывает тенденцию стабильности относительных цифр³ при росте населения примерно на 75% [9, с. 36-37].

2. Тенденция, якобы имевшая место в России 1905-1907 гг., лишена реализма. Официальный уровень самоубийств в "Европейской России" в 1905 г. - 2,1 случая на 100 тыс., то есть примерно 2600 случаев в год на 125 млн. населения. Крайне низкие цифры Сорокина (85 случаев за последние 7 месяцев года) едва ли верны. Более серьезно то, что он, видимо, игнорировал факт, что уровень самоубийств в Петербурге достиг низшей точки уже в 1904 г. - 5,8 на 100 тыс., а затем *вырос* более чем на 50% в 1905 г.!

3. Рост после 1905 г., предполагаемый Сорокиным, вполне можно проверить. По официальным данным уровни самоубийств в Европейской части России выросли с 2,1 случая на 100 000 в 1905, до 2,6 в 1907, 3,3 в 1910 и до 3,4 в 1912 г. Это весьма умеренные цифры в международном сравнении, но Сорокин был вправе сослаться на 60% роста в предшествующие семь лет, когда в Петербурге самоубийства выросли с 9,0 до 25,6 случаев на 100 тысяч.

4. Упомянутые Сорокиным 43 случая самоубийства в январе 1907 г. в России не велики по сравнению с данными официальной статистики. Даже при сравнении их с наиболее вероятным источником данных Сорокина [12, с. 2] цифры не совпадают.

5. Данные по Петербургу, взятые из расчетов д-ра Григорьева, также спорны. Официальные данные примерно совпадают с названным 25-процентным ростом в 1906-1909 гг. Но цифры самого Григорьева [10, с. 187] показывают гораздо более высокий рост. По данным Григорьева [там же] рост в 1906-1909 гг. должен был быть 150% даже с учетом роста населения. И вместо роста с 5 до 11 случаев на 10 тыс. жителей Петербурга между 1906 и 1910 гг., Григорьев в указанном месте дает еще более высокий рост - с 5 до 16,4 случаев. Обе эти цифры крайне высоки.

В чем причина столь явных недостатков? Сорокин часто ссылается на прессу, ее сообщения и заголовки. О суицидах пресса писала жадно, часто приводя имена людей. Эта практика, конечно, усиливала чувство галопирующего кризиса, и точность подсчетов явно не была на первом месте. К тому же политическая борьба усилила недоверие к власти. Некоторые врачи стали собирать собственные материалы о самоубийствах, в основном, по данным прессы, не считая официальные цифры достоверными. Большую часть данных по России Сорокин взял у них. Но он не говорит о своем необычном источнике, не сравнивает (и не критикует) его с данными официальной статистики.

Основная методологическая ошибка "радикальных врачей" проистекала, кроме веры в большую точность газетных данных в сравнении с официальной статистикой, из включения покушения на самоубийство в число самоубийств. Но в газетах "самоубийство" часто заменяло "самоубийство и попытки самоубийства", последние упоминались редко. Все сравнения этих цифр с Западной Европой, где все статистика включала только смерть в результате суицида, лишены смысла.

Парадоксальным следствием недоверия к официальным цифрам, стало то, что они, сами по себе совсем не полные, иногда были *выше* данных "радикальных врачей", строивших свои оценки на сообщениях лишь определенных газет. Поэтому, например, нельзя верить абсурдно низкой цифре по второй половине 1905 г. (85 случаев за 7 месяцев по всей России), даже исследователь

³ Морселли [7, р. 30] указывает, что средний уровень самоубийств в России в период 1871-75 составлял 2,9 случаев в год на 100 000 населения. См. также [8].

[11, с. 455] признавал, что эта цифра может быть слишком низка из-за стачек, мешавших выходу газет.

Информация о самоубийствах, вероятно, не была приоритетом газет в атмосфере революции 1905 г., хотя позже их аппетит к такого рода материалу вырос заметно. Можно предположить, что картина социальной распространенности самоубийств, способах их совершения и т.п., в изложении газет излишне драматична и экстраординарна. Это, в частности, видно из слабого освещения повешаний (11%; этот способ использовался главным образом бедняками). И Морселли [7, р. 324] в XIX в. и современные статистики полагают, что повешания доходили до 80% самоубийств в России. Другое явное расхождение - заметное преувеличение газетами числа отравившихся (44%) [12, с. 32], а также многие случаи двойного, тройного и даже четверного самоубийства [13, pp. 43-44]. Даже позднее официальные цифры совершенных самоубийств заметно превышали "общие" данные, собранные частным порядком. К примеру, итог по 1907 г. у Жбанкова - 1803 случаев, в то время как официальная статистика зарегистрировала почти в два раза больше совершенных самоубийств. Здесь статистика "радикальных врачей" не достигала своей цели - критики. А взятые ими из газет данные показывали громадный *рост* (в шесть раз между 1905 и 1906 гг., в следующем году цифры завышены втрое [12, с. 29]), видимо, в основном, из-за характера источников.

Сорокин как пропагандист идей Дюркгейма?

Молодой Сорокин находился под глубоким воздействием социологических идей Дюркгейма. В 1914 г. он послал ему подборку своих работ, в сопроводительном письме представившись распространителем идей Дюркгейма в России. Сохранился короткий, вежливый ответ Дюркгейма, в котором тот сожалеет, что не владеет русским языком.

Нетрудно усмотреть идейное влияние, лежащее в основе содержания очерка Сорокина. В. Кузнецов [16, с. 14], советский исследователь дореволюционной суицидологии, даже назвал Сорокина пропагандистом книги Дюркгейма. Следы влияния "Самоубийств" столь многочисленны и так легко идентифицируются, что сравнение обеих текстов - проблема отдельного разговора.

Часть очерка более или менее прямо заимствована у Дюркгейма. Сорокин в первый раз дистанцировался от него в разделе об истории самоубийств. Он не считал случаи "жертвенной смерти", которые Дюркгейм в "Самоубийстве" классифицирует как "альтруистические", суицидами вообще. На общем фоне теории Дюркгейма это - серьезное различие во мнениях. В главе о законах против суицида Сорокин в основном кратко изложил версию фактов, приведенных Дюркгеймом [5, pp. 327-331]. Мнение, что законы против самоубийства были неэффективны, нельзя считать прямо дюркгеймианским. Аргументы в "Самоубийстве" против криминализации суицида относились к мнению, что суицид не следует считать формой убийства и, отсюда, - наказывать в законном порядке. К тому же Дюркгейм признал (там же, р. 330), что наши знания законов о суициде самых ранних периодов истории Рима не очень точны: найденные фрагменты "Закона XII Таблиц" не упоминают вообще суицид. Он цитирует свод римских законов, не упоминая, что установленные здесь наказания касались только свершивших самоубийство под арестом для избежания позора. Заявление Сорокина: "то же самое происходило и в Риме", еще больше упрощает ситуацию. Раздел о несоциальных гипотезах причин самоубийства в очерке Сорокина также в основном лишь кратко излагал систему критики, развернутую Дюркгеймом в "Самоубийстве" [5, pp. 57-142], в той же последовательности, что и Дюркгейм. Но Сорокин часто опускал аргументы последнего, например, о "сумасшествии".

Критика Сорокиным гипотез об алкоголе и наследственности полностью повторяет дюркгеймовскую. Дюркгейм впервые упомянут в контексте критики климатической гипотезы суицида. События 1870 г. в Италии упомянуты потому, что у Дюркгейма тогдашний уровень самоубийств в Центральной Италии [5, р. 106] опередил уровень Италии северной, опровергая так называемую "гипотезу" о самоубийствах от жары. В отношении знаменитой ныне гипотезы о взаимозависимости интенсивности общественной жизни и сезонных колебаний уровня самоубийств сам Дюркгейм, видимо, сомневался. Да, факты, представленные им [5, pp. 115-121], указывают на связь общественной жизни и суицида. Но он воздержался от прямого обозначения

⁴ См.: [14, с. 120-124]. Архив Дюркгейма, в котором был оригинал письма Сорокина, погиб во время второй мировой войны [15].

ния этой связи как фактора каузальности и от попытки уточнить его механизмы (Ср.: там же, р. 122). Причина, возможно в том, что в другом месте (в частности, в разделе о семье) он считает, что активная общественная жизнь должна *защищать* от самоубийств. Молодой Сорокин, возможно, не увидел здесь парадокса. Без обиняков он утверждает, что суицид растет вместе с интенсивностью общественной жизни, так как множатся "причины суицида".

Наконец, Сорокин рассмотрел гипотезу о подражании с заметной степенью независимости от французского образца. Он берет отдельные случаи у Дюркгейма, но не без некоторых отклонений. Несмотря на это, Сорокин явно считает разумной гипотезу о подражании. Напротив, Дюркгейм далее показывал, что гипотеза подражания не очевидна из географического распределения случаев самоубийств и имеет "успех" благодаря неважному методу.

В заключительных разделах очерка влияние Дюркгейма заметно, например, в описании Сорокиным примитивных обществ. Здесь бросается в глаза сходство с ранними работами Дюркгейма⁵. Его влияние (в известной мере) видно и в показе Сорокиным роли семьи (ссылки на данные Дюркгейма), а также на суждения о влиянии войн и революций на суицид). Знаменитая гипотеза Дюркгейма о католиках и протестантах упомянута, но ей отведена меньшая роль, чем в книге Дюркгейма, где она выглядит как наипервейшая причина.

Сорокин, вместе с тем, не раз отходит от посылок Дюркгейма. Он пишет о важности цивилизации как *таковой* (в чем Дюркгейм сомневается [См.: 5, pp. 366-370]), используя это как основу суждений о якобы исторической обусловленности роста самоубийств. О семье он пишет, что "если для самого жизнь потеряла ценность, то нужно жить для семьи". То есть она - убежище от все более невыносимого общества, в то время как Дюркгейм утверждал лишь, что семья содержит защитный потенциал. Сорокин также считает женщин менее индивидуалистичными, чем мужчин, а у Дюркгейма мысль прямо противоположна - женщина менее *социальна*, чем мужчина [5, pp. 215-16] и легче довольствуется своей жизнью. Дюркгейм, однако, также писал [5, р. 272], что умственная жизнь женщины "менее развита", чем у мужчины. Но говорилось это в разных контекстах. Дюркгейм пытался объяснить, почему женщины легче переносят одиночество и развод с точки зрения самоубийства, а Сорокин писал о меньшем уровне самоубийства женщин в целом.

Заемствования у Дюркгейма становятся более избирательными к концу очерка. Сорокин, видимо, соглашаясь с критикой Дюркгеймом гипотезы о несоциальных причинах суицида, в итоге все же расходится с ним по поводу наиболее важных социальных причин. Он избегает терминологии Дюркгейма и воспроизводит его общую теорию фрагментарно, в отдельных положениях, по которым он приводит свои соображения. Так "эгоизм" Дюркгейма, "аномия" и т.п. слиты в неопределенное "современное одиночество", а "альтруистичные" суициды вообще исчезают. Некоторые факторы, как высокий уровень самоубийств в городах, у Дюркгейма не стояли в центре, а другие (одиночество, ослабление религиозных ценностей, падение ценности жизни людей) не содержатся в его трудах, как минимум в качестве базовых аргументов.

Основное расхождение Сорокина с Дюркгеймом очевидно в разделе о главной причине самоубийств. Если последний однозначно заявил, что бедность предохраняет от самоубийства [5, р. 254], Сорокин видит в "нужде, голоде и безработице" главный механизм, посредством которого беспорядочная организация общества проявляет свою разрушительную силу, толкая людей на суицид⁶. Суровая реальность России повлияла на Сорокина. Его подход к несколько неловко изложенной цепочке причин внезапно обнаруживает непреодолимое расхождение между Учеником и Мастером. Начинает возникать Сорокин-социолог, который - "сам по себе".

Предтечи Дюркгейма: Морселли и Масарик

Опус Дюркгейма 1897 г. во многом можно считать венцом коллективного труда столетия, в котором участвовали многие самые острые умы того времени, пытаясь решать загадку роста самоубийств. Нельзя точно сказать, какие из многих трудов этих ученых были доступны Сорокину. Возможность влияния на него двух великих предшественников Дюркгейма - Генри (Энрико) Морселли и Тамаша Масарика, рассмотрена ниже.

⁵ "Разделение общественного труда" (1893) [17] содержит описание общества в терминах "механической" и "органической" солидарности. Первая, видимо, связана с идеями Сорокина о примитивных обществах.

⁶ Само утверждение, что хаос организации общества вызывает неравномерность его развития, принадлежит Дюркгейму, но в ином изложении.

Книга Э. Морселли "Суицид: эссе по сравнительной моральной статистике" появилась на английском языке в 1882 г., а исходная итальянская версия - тремя годами раньше. Несмотря на кажущееся сходство с другими работами на эту же тему, книгу высоко оценили ученые, тем более что это был один из трактатов, с которыми полемизировал в своем "Самоубийстве" Э. Дюркгейм. Морселли, врач, не разделял стремления Дюркгейма выстроить социальную теорию суицида. По данным статистики он стремился установить, какие из многих причин связаны с самоубийством, а какие нет. В итоге он мрачно заключал, что "суицид - результат борьбы за существование и человеческого отбора, действующей по законам эволюции цивилизованных людей" [7, р. 354]. Мальтузианец Морселли - пессимист в вопросе возможности ограничить эту борьбу. Он лишь рекомендует пытаться "придать силу и энергию морали и характеру" (там же, р. 374).

Сорокин лишь дважды прямо цитирует Морселли. Первый раз он выражает сомнения в "расовом" аргументе; согласно многим современным работам, пишет он, славяне отличаются низким уровнем суицидов [7, р. 82]. Сорокин же считает, что "раса", национальность не имеет влияния и что причины различий в уровнях суицида проистекают из различий в политических условиях. Сорокин дальше этот аргумент не развил, поскольку здесь явно был риск приписать царизму некие позитивные достижения.

Во второй раз он упоминает Морселли и другого итальянского автора, Энрико Ферри, как сторонника так называемой гипотезы о жаре - причине суицида. Но Сорокин не вполне справедлив к Морселли. Если последний уверенно связывал сезонные колебания самоубийств с жарой, он также подчеркивал, что причина - не сама жара, а скорее смена холодного времени года теплым [7, р. 72]. Более того, он специально отверг тезис о связи жары с различиями уровней суицида по провинциям Италии [там же, р. 42].

И в других аспектах у Морселли и Сорокина больше расхождений, чем согласия. Они явно сходятся в оценке зла материализма, в том, что самоубийства могут быть вызваны как экономическим кризисом, так и процветанием. Даже потенциальное средство от суицида, предложенное Морселли: смягчение борьбы за существование и перемены на уровне индивидов, чем-то напоминает Сорокина. Но это ничто перед лицом пропасти между духовно ориентированным социалистом и жестким мальтузианцем. Морселли просто не верит в возможность улучшить жизнь людей [7, р. 82] и принимает неизбежность невыживания слабейшего с суровой решительностью и молчаливым согласием.

Еще один крупный мыслитель в ранней суицидологии - чешский социолог, позднее первый президент независимой Чехословакии Тамаш Гаррик Масарик. Его книга "Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации" была переведена на русский в начале века, но тираж уничтожили, что, однако, сделало ее еще интересней для людей, подобных Сорокину. Сорокин лично поддержал перевод этой книги на английский в конце 1960-х гг. [18, р. XVII]. Россия была интеллектуальным увлечением Масарика. Его главный научный труд "Дух России" (1913). Масарик и Сорокин встретятся в Петербурге в мае 1917 г. Масарик предоставил ему убежище после высылки из СССР. Цель Масарика была той же, что и у Дюркгейма. И хотя книга не предлагала новой системной теории самоубийства, она все же давала цельный общественный взгляд на проблему. Главным тезисом ее было то, что рост самоубийств - продукт упадка религиозной веры, "безверия" в современном обществе, частью - результат полу-образования, предлагаемого массам [18, pp. 67-68, 85, 116]. Главное положение Масарика, отраженное и в российских спорах, заключалось в том, что прежняя система религиозных верований решительно поколеблена, а новое "знание" не дает защиты от саморазрушения.

В "Самоубийстве" Дюркгейм не уделил большого внимания секуляризации как таковой. По меньшей мере, он сам, как секуляризованный иудей, не сетовал на нее. В этом вопросе Сорокин, не раз описывающий ужасы города без бога, много ближе к Масарику, для которого "условия духовной культуры" (указ. соч., р. 65) были *sine qua non* социального анализа. Переводчик Масарика на английский У. Вайст отмечает сходство суждений Масарика с "Культурной и социальной динамикой" Сорокиным [18, р. X, прим. 7]. Для обоих лекарством от социальных бед было духовное возрождение, более религиозное по своей сути у Масарика, считавшего экономические и политические условия только "внешним проявлением внутренней духовной жизни" (указ. соч., р. 222). В примечании [18, прим. 254], он признал, что "нужда" и "нищета", конечно, должны быть устранены, так как они сами по себе вызывают самоубийства.

Другие сходства мнений Масарика и Сорокина включают различие последним "самопожертвования" и самоубийства [18, р. 7] и его поддержку гипотезы подражания [там же]. Масарик признает суицидальные последствия бедности, хотя подчеркивает скорее нереализованные нужды людей - богатых и бедных, а не абсолютный уровень материального благосостояния.

Но он также поддерживает гипотезу о жаре [18, р. 11-14] и не считает город "генератором" самоубийств, полагая, что он лишь "содействует росту" их (р. 18). Наконец, Масарик писал, что суицид среди сельского населения в целом низок (р. 41).

У Масарика были свои представления о России. 1. Он поддерживал гипотезу о "расово" обусловленной низкой смертности от самоубийств у русских [18, р. 48]. 2. Отмечая низкий уровень самоубийств "Греко-католиков" (р. 88), он также называет ментальность верующих "ментальным рабством" (р. 158). Он отмечает "неколебимую" религиозность (р. 211) с известной симпатией, не распространяя ее на угнетающую церковь. 3. Но Масарик также сожалеет об идущей "*борьбе культур*", в которой идеи Просвещения навязываются неподготовленному населению России с вытекающим отсюда отчаянным сопротивлением (р. 213). Он объяснил "русскую меланхолию" так: "образованный русский топчет идеалы своего детства и идеалы своего народа" (там же) и поэтому впадает в отчаяние. Это мнение, вероятно, нашло бы поддержку интеллигенции Петербурга.

Русские современники Сорокина - "радикальные врачи"

Не только крупные, международно признанные теоретики повлияли на мысли Сорокина о проблеме суицида в России. Его русские современники, особенно "радикальные врачи" Д. Жбанков и Н.И. Григорьев, дали ему интерпретации природы социальной среды, к которой он смог приложить мысли Дюркгейма и других. Они, особенно Жбанков, явно считали себя участниками политической борьбы. Фактически вся первая часть первой статьи Жбанкова в журнале "Практический врач" [11, с. 437—439] - яростная атака на царизм и репрессии после 1905 г. Правда, памфлеты Жбанкова ограничены Россией, в них нет широкой теоретической перспективы. Большие его статьи [12; 13] были переполнены описаниями отдельных случаев по сообщениям газет. "Эпидемию самоубийств", вслед за крахом надежд революционного 1905 г., Жбанков констатировал уже в 1906-м. Вначале он сосредоточился на текущих политических событиях, но потом его внимание сместилось к "травматической эпидемии" [12, с. 27], ставшей непосредственным результатом не столько гнета, сколько разочарования, бессмысленности и гедонизма, особенно у молодых.

Заемствования Сорокина у Жбанкова и Григорьева, кроме цифр, - это их убеждение, что нужда, голод и безработица виновны в большей части самоубийств тогдашней России. Такое заключение сделано на материалах газет, в которых часто сообщалось о якобы главных мотивах свершения самоубийств. В 1906 г., писал Жбанков, "значительное число" самоубийств вызваны нуждой [11, с. 456]; в 1909 г. 629 из 2340 случаев (27%) вызваны нуждой и безработицей; к этому он прибавил еще 21 случай суицида, вызванные голодом в "деревнях" [12, с. 38]. В 1910 г. он сообщил о 29 процентах, отмечая, однако, что истинная доля, вероятно, поднялась бы до 50%, если бы информация была полной.

В этом случае трудно считать приведенный материал доказательством. Даже у потерянных, социально одиноких людей могут быть субъективные причины самоубийства - помимо влияния бедности. Но их часто не признают по разным причинам; списать же случай на "бедность" - просто и удобно. Конечно, можно предположить, что люди идут на самоубийство из-за бедности, не осознавая этой причины, но природа статистики едва ли позволяет решить такую проблему. Причина принятия Сорокиным этого предположения может лежать в его политических убеждениях, хотя это создает ряд парадоксов для его теории, в целом ориентированной на модернизацию. Без сомнения, бедность была широко распространена в Петербурге. Но возникает вопрос: почему самые бедные люди, жители деревень, лишенные возможности даже покинуть охваченную нищетой среду, так редко совершают самоубийство. Даже Жбанков поражался малой (примерно 50%) доле рабочих и крестьян (огромное большинство русских) среди самоубийц [12, р. 36].

Более того, поскольку статистика Жбанкова, видимо, стала источником аргументации Сорокина, его молчание по поводу *других* причин суицида в материалах Жбанкова настораживает. По Жбанкову, нужда - главная причина; за ней шли "болезни" (20% в 1912 г.), любовь, сексуальные мотивы (16% [19, с. 543]). Григорьев, по данным которого безработица - главная причина самоубийств в Петербурге [20; 10, с. 188], также подчеркивал роль алкоголя. За это его критиковал Жбанков [19, с. 544].

Обесценивание жизни, не раз упоминаемое Сорокиным, фигурирует и у Жбанкова [13, с. 40]. Но для него это следствие отчаяния, вызванного политическими событиями, войной, беспорядками, погромами и экспроприациями. Сорокин использует такое же определение, но поднимает

его до уровня более общей характеристики современного общества, порождения концентрации населения в крупных городах.

Несмотря на общее согласие Сорокина со Жбанковым, у них есть и различия. Наиболее заметен, вероятно, факт, что, если Сорокин принял цифры Жбанкова и иногда его интерпретацию, выводы Сорокина выглядят, в свете его политической активности, странно аполитичными. Суицид в тюрьмах, как и вызванный угнетением и политическим недовольством вне их, не упоминаются Сорокиным, хотя они неотъемлемая часть информации Жбанкова. Ссылку Сорокина на Достоевского, политического консерватора, считавшего, что нездоровая сила воли, ведущая к самоубийству, проистекает из безбожного материализма и избытка (!) материальных благ [Ср.: 21, с. 146, 166], можно считать разделительной линией между Сорокиным и "радикальными врачами".

Замысел Сорокина

Судя по содержанию, очерк Сорокина был, очевидно, написан в целях просвещения на продвинутом уровне. По моему мнению, его замысел состоит из трех основных взаимосвязанных частей:

1. *Модернизация общества порождает суицид.* Это главное в замысле Сорокина, то, в чем он ближе всего к Дюркгейму, иногда упрощая при этом смысл последнего. Классическое перемещение человека в модернизирующемся обществе - невинного крестьянина в греховный город, вновь и вновь во всем мире изображаемое как губительный прыжок к свободе (и богатству, или нищете), использовано Сорокиным для описания порождающей суицид природы современности. Разбитые социальные узы, не заменяемые новыми в суеде города, соответствуют разрыву связей с религией, не замененным современной наукой. Все это социально и морально изолирует современного индивида.

2. *Бедность по причине несправедливой организации общества порождает самоубийства.* Второй тезис Сорокина тесно связан с его непосредственным окружением, с предреволюционным Петербургом, его политическими схватками и погоней за сенсациями, связанными с самоубийством. Это отражено в порою настойчивом, почти отчаявшемся тоне его работы и, конечно, в использовании им материалов, собранных "радикальными врачами" для подтверждения части их замысла. Дюркгеймова "аномийная" организация общества, сама по себе отражающая социальный дисбаланс, получила социалистический оттенок благодаря вниманию к материальным страданиям как постулату их причин⁷, что, по суждению Сорокина, порождает самоубийства. Вдохновленные социализмом заявления в конце очерка напоминают, что здесь основа расхождений Сорокина с Дюркгеймом.

3. *Упадок религии порождает суицид.* Сорокин присоединяется к тем, для кого секуляризация - основная причина роста уровня самоубийств. Например, у Масарика суть проблемы суицида духовная: люди утратили защиту религии, но не сумели заменить ее чем-либо сопоставимым, становясь тем самым более уязвимыми перед лицом жизненных невзгод. Сорокин - явный оппонент большей части радикального движения в этом вопросе. Он сожалеет об упадке религии, привлекает внимание к моральному равнодушию, с каким жители современного города относятся к несчастьям сограждан. В главе о возможном потенциале противодействия самоубийствам Сорокин на первое место среди конкретных мер ставит любовь подобно и Христу, и Достоевскому.

В целом, эти элементы образуют оригинальное целое, - достаточно прочное, несмотря на некоторые внутренние неувязки. Хотя "теория" Сорокина подразумевает серьезное понимание сложности проблемы, он все же уходит, осознанно или нет, от постановки ряда часто обсуждавшихся проблем. Например, вопреки симпатиям к Дюркгейму, Сорокин в своем очерке не касается образования, - постоянной теме дебатов того времени [См.: 5, р. 163-165; 7, р. 130-142; 18, р. 66-72]. Его можно понять: показ негативной стороны образования подрывал силу политического замысла его очерка. Он ушел и от комментариев по поводу якобы эпидемии суицидов среди гимназистов, бушевавшей в русских газетах, упомянув лишь важность подражания в этой связи.

Еще один "отсутствующий элемент", особенно при сравнении очерка Сорокина с работами "радикальных врачей", это самоубийства более чем одного лица, о чем часто писала пресса. Жбанков в материале, построенном на сообщениях газет о 16 989 случаях самоубийств, привел 324 слу-

Прыгнув, таким образом, из *аномийного* общества Дюркгейма в *капиталистическое* общество Карла Маркса.

чая двойных самоубийств, 20 - тройных и три случая с более чем тремя участниками [19, с. 568]. Действительно, эти самоубийства противоречат картине несчастного суицидального одиночки. Сорокин не комментирует и многие массовые самоубийства среди русских религиозных меньшинств, что можно считать наиболее выраженным появлением суицидности в контексте традиций России, несмотря на тот факт, что они сохранились вплоть до начала нового века. Здесь религия обнаруживает свою менее приемлемую сторону, что плохо подходит к полуноctalьгическому тону очерка.

Конечно, молодой Сорокин едва ли был специалистом по самоубийствам. Однако через весь очерк проходит тенденция *связывать суицид только со злом, а не с благами мира*. Модернизация описана с акцентами на ее негативных аспектах, а достоинства традиционного общества порой преувеличены. Морселли, а затем Дюркгейм обращались к этой проблеме более предметно, чем Сорокин, в общем, соглашаясь, что преимущества модернизации ("цивилизация") перевешивают ее более или менее неизбежные негативные аспекты⁸. Сорокин, очевидно, не хотел этого делать, и качество его очерка соответственно пострадало.

Великий парадокс очерка Сорокина лежит между критикой им модернизации общества, с одной стороны, его личной приверженностью новому обществу, - с другой, и, наконец, его отказом признать этот парадокс. Здесь он не одинок среди русских современников. Однако история держала в рукаве другой, более мощный парадокс для жителей России и С.-Петербурга, вскоре переименованного в Ленинград.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gofman A. The Reception of Suicide in Russia / Pickering W.S.F., Walford G. (Eds.): Durkheim's Suicide. A Century of Research and Debate. L. 2000, pp. 126-132.*
2. *Сорокин П.А. Самоубийство как социальное явление. Рига. 1913.*
3. *Кони А.Ф. Самоубийство в законе и в жизни / Собрание сочинений. М. 1967, с. 454-481.*
4. *Mdkinen I. H. Suicide-Related Crimes in Contemporary European Criminal Laws // Crisis. 1997. V. 18, №1, pp. 35-48.*
5. *Durkheim E. Suicide. L. 1992.*
6. *Новосельский С.А. Статистика самоубийств // Гигиена и санитария. № 8, 10/1910. Приложение.*
7. *Morselli H. Suicide: An Essay on Comparative Moral Statistics. NY. 1975.*
8. *Отчет о состоянии народного здоровья. Управление главного врачебного инспектора МВД. С.-Петербург. 1903-1912.*
9. *Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Булатов П.Н. (Ред.). Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Петроград, 1916.*
10. *Григорьев Н. Самоубийства и покушения на самоубийства в Петербурге в 1911 г. // Русский врач. 6/1913, с. 187-189.*
11. *Жбанков Д. О самоубийствах в последнее время // Практический врач. 26-29/1906.*
12. *Жбанков Д. О самоубийствах в последние годы // Русское богатство. 4/1909, с. 21-40*
13. *Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир 3/1910, с. 27-63.*
14. *Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара, 1992.*
15. *Durkheim E. Lettres a Marcel Mauss. P. 1998.*
16. *Кузнецов В. Этапы развития отечественной дореволюционной суицидологии: психиатрические и междисциплинарные аспекты. Реферат диссертации. Московский НИИ психиатрии. М. 1987.*
17. *Durkheim E. The Division of Labour in Society. L. 1984.*
18. *Masaryk T.G. Suicide and the Meaning of Civilization. Translated by W.B. Weist, R.G. Batson. With an introduction by A. Giddens. Chicago, 1970.*
19. *Жбанков Д. К статистике самоубийств в 1905-11 гг. // Практический врач. 34—38/1912.*
20. *Григорьев Н. Самоубийства в г. С.-Петербург за первую половину 1910 г. // Врачебная газета. 36/1910, с. 106.*
21. *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoyevsky's Russia. Ithaca. 1997.*

⁸ Дюркгейм делал исключение для XIX в., охваченного, по его мнению, "состоянием патологии, сопровождающим нынешний марш цивилизации" [5, р. 368]. Морселли [7] представляет суицид результатом борьбы за существование, в свою очередь, предопределенной природой.